

Образ преподобного Сергия Радонежского в житийной и художественной литературе

Анна В. Топорова

*Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anna.toporova@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется образ преподобного Сергия Радонежского – как он представлен в житийной литературе (у Епифания Премудрого, Пахомия Логофета, Никона) и в беллетристике XX в. – в очерке Б.К. Зайцева «Жизнь преподобного Сергия» и в повести И.С. Шмелева «Куликово поле». Основное различие в представлении Сергия в житийной литературе заключается в той перспективе, в которую включен образ святого. Если для Епифания Премудрого главная цель – в детальной передаче черт духовного облика Сергия, современника и учителя автора жития, то у Никона решающее значение приобретает исторический пласт. Зайцева интересует прежде всего личность Сергия, ее «человеческие» проявления; параллели со своей собственной судьбой и эпохой; нравственные уроки, которые предоставляет нам жизнь Сергия. У Шмелева чудесное появление Сергия в 1925 г. становится символом соединения истории и вечности. Своим светом и покоем он противопоставит мраку и безумию послереволюционной жизни. У Зайцева и Шмелева прп. Сергей Радонежский выступает как светоч, озаряющий трудный земной путь человека и направляющий его к главной цели – спасению.

Ключевые слова: жития преподобного Сергия Радонежского, творчество Б. Зайцева, творчество И. Шмелева, святость и история

Для цитирования: Топорова А.В. Образ преподобного Сергия Радонежского в житийной и художественной литературе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 184–196. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-184-196

The Image of Saint Sergius of Radonezh in Saints' Lives and Literature

Anna V. Toporova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, anna.toporova@gmail.com*

Abstract. The paper studies the image of Saint Sergius of Radonezh as depicted in the saints' lives (written by Epiphanius the Wise, Pachomius Logothetes, and Archbishop Nikon Rozhdestvensky) and in 20th century literature (Boris Zaytsev's essay 'The Life of Saint Sergius' and Ivan Shmelev's short story 'Kulikovo Field'). The main difference between the depictions of Sergius in the saints' lives as opposed to the modern accounts lies in the authors' historical perspective. The main goal of Epiphanius the Wise is to paint a detailed picture of the spiritual countenance of Sergius, his teacher and contemporary, while Archbishop Nikon focuses on the saint's historical context. In contrast, Zaytsev takes a particular interest in Sergius' personality and its 'human' manifestations; in parallels with his own life and time; and in moral lessons taught to us by Sergius' life. In Shmelev's short story, Sergius' miraculous appearance in 1925 serves as an inspiring symbol of the inner unity of history and eternity. With peace and light he brings, Sergius counteracts the darkness and madness of life after the Revolution. For Zaytsev and Shmelev, Saint Sergius of Radonezh was a beacon that illuminated the difficult worldly life of contemporary man and directed him towards his main goal, salvation.

Keywords: life of Saint Sergius of Radonezh, work of B. Zaytsev, work of I. Shmelev, sanctity and history

For citation: Toporova, A.V. (2021), "Image of Saint Sergius of Radonezh in Saints' Lives and Literature", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 184–196, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-184-196

Первое Житие прп. Сергия Радонежского было составлено через 26 лет после его смерти (в 1417–1418 гг.) его учеником Епифанием Премудрым. Житие Епифания опирается на его собственные воспоминания об учителе, а также на свидетельства его современников, которые он тщательно собирал в течение почти двух десятков лет. Оригинальный текст не сохранился, он известен лишь в редакции Пахомия Логофета (Серба), созданной сразу после канонизации прп. Сергия в 1452 г. В целом следуя тексту Епифания, Пахомий вносит в него ряд уточнений и изменений (свидетельство тому –

разные редакции жития Пахомия) (Житие и чудеса, 2007, с. 262), а также добавляет рассказ об обретении мощей Сергия и о некоторых посмертных чудесах. В середине XVII в. Симон Азарьин, келейник архимандрита Дионисия, впоследствии казначей и келарь Троице-Сергиевой лавры, добавляет к Житию прп. Сергия Епифания в редакции Пахомия 35 глав о новых чудесах прп. Сергия. Эту группу житий можно считать единым текстом – в том, что касается образа прп. Сергия, представленного в них.

В 1885 г. публикуется труд «Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» иеромонаха Никона Рождественского, представляющий собой своего рода компендиум всего, что было написано о святом. Как определяет Никон в предисловии к своему сочинению, в его цели входило «собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о Преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники» [Житие и подвиги 2005, с. 4]. Список используемых им источников, рукописных и печатных, исторических и церковных, приближается к сотне. Среди них особую роль играют исторические исследования – в первую очередь Карамзина, Голубинского, Ключевского, а также летописи. Цитируя историков, а также церковных иерархов (чаще других – Филарета Дроздова, митрополита Московского, и митрополита Платона Левшина), Никон пытается глубже проникнуть как в личность прп. Сергия, так и в те исторические условия, в которых он жил и которые определяли некоторые его действия. В этом, пожалуй, заключается главное отличие этого жития от жития Епифания-Пахомия.

Посмотрим, какие качества прп. Сергия отмечают составители его жития. У Епифания-Пахомия это: трудолюбие (неленость), послушание, пост, молитва, воздержание (особо подчеркивается любовь к бедности), смирение, терпение, вера, кротость и тихость, пламенность. У Никона: простота, смирение, любовь к уединению, трудолюбие, воздержание, послушание, пламенная вера и любовь к Богу, дар духовного рассуждения и умение наставлять ближнего, забота о судьбах родной земли («печальник Русской земли» и «умиротворитель князей» – так называет его Никон). Как мы видим, перспектива Никона шире, чем у Епифания-Пахомия: он включает фигуру прп. Сергия в исторический контекст, что позволяет сфокусировать внимание и на тех его качествах, которые у Епифания представлены менее рельефно. Причина этого вполне понятна: Епифаний пишет о своем учителе, с которым он жил бок

о бок долгие годы, которого он хорошо знал в повседневной монастырской жизни, из рамок которой, собственно, его житие почти и не выходит. Никон же пишет о прославленном святом прошлого, о котором уже очень много всего написано и, соответственно, роль и значение которого в жизни Церкви и государства представляется намного глубже и точнее. Можно сказать, что Епифаний открыл читателям сокровенный образ радонежского святого, а Никон придал ему общецерковное и национальное измерение. Примечательно, что впоследствии о «государственном масштабе» (слова из письма И. Шмелева к О.А. Бредиус-Субботиной) прп. Сергия говорили почти все писавшие о нем.

Интересно проследить, как житийный образ прп. Сергия трансформируется в беллетристике, какие из качеств и действий святого оказываются в центре внимания писателей. Рассмотрим в этой связи два небольших произведения XX в. – очерк Б.К. Зайцева «Жизнь преподобного Сергия» (1925) и повесть И. Шмелева «Куликово поле» (1939–1945).

Зайцев опирался прежде всего на сочинение Никона. Вместе с тем он широко использовал и исторические труды о прп. Сергии (В.О. Ключевского «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства»; Е.Е. Голубинского «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» и др.). Историографические отступления встречаются на протяжении всего повествования, а в конце текста Зайцев помещает подробные исторические комментарии. Таким образом, он создает особый жанр, сочетающий в себе черты агиографической и исторической литературы, его называют по-разному – очерком, биографией, нежитием [Любомудров 1992; Ветрова 2001; Синельникова 2005; Хатидже 2017].

Рассмотрим основные особенности «Жизни преподобного Сергия» Б. Зайцева. Для Зайцева важна личность Сергия, а также идея его национальной идентичности. Ср. описание прп. Сергия:

Как удивительно естественно и незаметно все в нем! <...> Негромкий голос, тихие движения, лицо спокойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе – через всю ее условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты, и несравнимое ни с чем благоухание России. Все – возведенное к предельной легкости, чистоте (Сергий Радонежский 1991, с. 172).

Это, конечно, не житийный портрет, в нем подчеркиваются личные, а также национальные черты прп. Сергия.

Но главное для Зайцева – понять облик прп. Сергия, увидеть его личность, поэтому он не столько пишет житие, сколько описывает жизнь: «*Присмотримся же к его жизни*» (Сергий Радонежский 1991, с. 152). Зайцев выделяет эту фразу. Он подчеркивает тем самым, что создает живой облик Сергия. Несмотря на множество агиографических и исторических отсылок, в очерке присутствует несомненная авторская линия: попытки проникнуть в суть личности великого святого.

Итак, в центре внимания произведения Б. Зайцева – живой человек. Зайцев показывает формирование и развитие его личности, прослеживает, как из скромного мальчика Варфоломея вырастает монах Сергей, пустынник, молитвенник, а затем религиозный и политический деятель (каждому этапу посвящена отдельная глава: «Отшельник», «Игумен», «Святой Сергей чудотворец и наставник», «Преподобный Сергей и церковь» и «Сергий и государство»).

Отметим также, что в отличие от житий в очерке Зайцева довольно мало рассказывается о чудесах, сотворенных Сергием, например, чудо возглашения во чреве матери опущено. Об остальных повествуется приглушенно. Для Зайцева важен в первую очередь человек, личность которого автор пытается понять [Евдокимова 2014]. Отсюда – множество собственных размышлений, предположений Зайцева о прп. Сергии, о мотивах его поступков, отсюда поэтический стиль как одно из средств передачи духа прп. Сергия.

Этим же объясняется и сравнение Сергия с Франциском Ассизским, с Феодосием Печерским, Антонием Печерским и другими святыми, и делаются выводы о том, что прп. Сергей не такой, как они. Описывая аскезу Сергия, его стремление к «выпрямлению души к единой вертикали» (Сергий Радонежский 1991, с. 160), Зайцев сравнивает ее с экзатичностью Франциска Ассизского и приходит к выводу, что юродство чуждо Сергию, в нем «не-надломленность, неэкзатичность» и «решительно ничего нет болезненного», он «умерен, прост, сдержан», в нем «дух первохристианской простоты и бедности» (Сергий Радонежский 1991, с. 161, 163). Эта простота святости и есть суть образа Сергия.

Зайцев, как и все агиографы, отмечает такую черту характера Сергия, как послушание, в частности, воле родителей, которые просили его не уходить в монастырь до их смерти; но рассматривает ее не только как его индивидуальную особенность, но и как национальную, вновь проводя сравнение с Франциском: «Св. Франциск ушел, конечно бы, отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига» (Сергий Радонежский 1991, с. 157). И далее Зайцев уточняет: прп. Сергей, будучи

глубоко православным, насаждал «в некотором смысле западную культуру (труд, порядок, дисциплину) в радонежских лесах, а св. Франциск, родившись в стране преизбыточной культуры, как бы на нее восстал» (Сергий Радонежский 1991, с. 166).

Еще одна важная характеристика произведения Зайцева заключается в том, что русская история является не просто фоном, на котором разворачивается жизнь святого, а, можно сказать, действующим лицом повествования; и в этом принципиальное отличие произведения Зайцева от жития Елифания Премудрого. Зайцев задает вопрос: как в отшельнике, в скромном игумене, а не политике, проявились силы противостояния врагу; ведь Сергий дал великому князю Дмитрию благословение на Куликовскую битву. Здесь снова проявляются характерные черты преподобного Сергия: «До сих пор Сергий был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым. Теперь стоял перед трудным делом: благословение на кровь... Сергий не особенно ценил печальные дела земли... Но не его стихия крайность. Если на трагической земле идет трагическое дело, он благословит ту сторону, которую считает правой. Он не за войну, но раз она случилась, за народ и за Россию, православных. Как наставник и утешитель, “Параклит России”, он не может оставаться безучастным» (Сергий Радонежский 1991, с. 187). Размышляя об этом поступке Сергия, Зайцев обращается и к событиям XX в. и пытается ответить на вопрос о сопротивлении злу силой. И здесь мы чувствуем глубокую личную заинтересованность писателя – и в этом принципиальное отличие от модальности жития иеромонаха Никона.

Зайцев видит в прп. Сергии не только «игумена земли русской», но и новый тип святого, способного подвигнуть народ на борьбу с силами зла, пробудить его духовные силы и указать путь к возрождению России. Как пишет один из исследователей: «Зайцев в своем труде – в значительной мере именно историк, визнающий смысл святости для судеб России» [Дунаев 2000, с. 155]. Кстати, этой цели служат и частые «световые», «огненные» эпитеты («светлые видения», «дивный свет», «небесный свет», «блистающие одежды», «легкий небесный пламень», «ослепительный свет», «друг легкого небесного огня», «свет, легкость, огонь его духа»), заставляющие сосредоточить внимание на духовном аспекте личности святого.

* * *

Повесть И. Шмелева «Куликово поле» была написана в эмиграции в 1939–1947 гг. Действие повести происходит в Советской России в 1925 г. В центре ее фигура преподобного Сергия Радонежского. В основе сюжета «Куликова поля» лежит реальный эпизод,

рассказанный писателю 20 марта 1937 г. бывшим саратовским помещиком, князем Павлом Александровичем Васильчиковым. Вскоре после революции в имении помещика Юрия Олсуфьева, расположенном вблизи Куликова поля, лесник нашел старинный крест, который он захотел передать своему бывшему барину, жившему в то время в Сергиевом Посаде. Когда он недоумевал, как это сделать, ему явился благообразный старичок – в котором он позже узнал прп. Сергия – и сказал, что он может передать этот крест Олсуфьеву. И он действительно в тот же день это сделал, появившись в доме Олсуфьева в Сергиевом Посаде, где тот жил с женой и с их родственницей – племянницей Васильчикова. Она и рассказала своему дяде эту историю. (Отметим, что в 1949 г. об этом кресте Шмелеву говорила княжна Софья Евгеньевна Трубецкая.)

В повести «Куликово поле» эту историю мы узнаем из уст рассказчика – Сергея Николаевича, по профессии следователя по особо важным делам. Он становится свидетелем явления прп. Сергия двум героям – леснику Василию Сухову на Куликовом поле и Георгию Андреевичу Средневу и его дочери Оле в Сергиевом Посаде. Если вначале задача рассказчика, человека рационального, заключается в том, чтобы «расследовать» этот необычный случай, то постепенно предметом его исследования становится человеческая душа, соприкоснувшаяся с чудом. Потому что в ходе повествования выясняется, что встреча лесника с прп. Сергием на Куликовом поле и появление святого в доме Среднева в Сергиевом Посаде, удаленном от Куликова поля на 400 верст, произошли в один и тот же день.

Два героя повести – лесник и Оля, люди верующие, – сразу распознают в явившемся к ним старичке святого. А Среднев и сам рассказчик пытаются рационально объяснить происходящее, и только когда с неопровержимой документальной точностью выясняется совпадение даты этих двух встреч, в их душе в ответ на это чудо тоже происходит чудо – она обретает Бога, от неверия обращается к вере. Следует отметить, что и сам Шмелев, впервые услышав этот рассказ, сомневался, не был готов поверить ему. Этим объясняется, в частности, и то, что лишь два года спустя после этого он решил записать эту историю. Написав в 1939 г. первый вариант, Шмелев показал его своему близкому другу, религиозному философу И. Ильину. Интересна его реакция: он написал Шмелеву, что вера в чудо есть только в Оле, но не в авторе, не в следователе, не в Олином отце, а надо принимать приходящее к нам из того мира, не требуя объяснений. Последующие редакции «Куликова поля» отражают, в частности, этапы осмысления этого чуда самим автором, Шмелевым, который в окончательном варианте 1947 г. выступает

уже как «уверовавший», принявший чудо явления прп. Сергия всем сердцем. Таким образом, эта повесть – более чем просто рассказ о некоем происшествии, в которое были вовлечены другие люди, но и важное событие собственной внутренней жизни¹.

Обратимся теперь к образу самого прп. Сергия, как его описывает Шмелев. Действие повести относится ко времени крайне тяжелому для России, когда революционное бесчинство разрушило все, что можно было разрушить, – уклад жизни, экономику, нравственные устои. Картина полного хаоса, разрухи, «абсурда» (это слово произносит один из персонажей – сошедший с ума бывший профессор Духовной академии) образует фон, на котором происходит действие. Кроме того, начинается повесть публицистическим вступлением, в котором устами рассказчика Шмелев рассуждает об особенностях русской истории и духовности, упоминая имена Толстого, Достоевского, Ильина и других деятелей русской культуры. «Случившееся с нами – исторического порядка, а историческое меряется особой мерой», – говорит он в первой главе и чуть ниже упоминает о «духовном торжестве преодоления» (Шмелев 2000, с. 451–452), задавая таким образом перспективу всему повествованию.

Прп. Сергей первый раз появляется в повести как случайный путник, встретившийся леснику, нашедшему крест на Куликовом поле. Вот как он описывается: «По виду, из духовных: в сермяжной ряске, лыковый кузовок у локтя, прикрыт дерюжкой, шлычок суконный, седая борода, окладиком, ликом суховат, росту хорошего, не согбен, походка легкая, посошком меряет привычно, смотрит с приятностью» (Шмелев 2000, с. 462). Кроме принадлежности к духовному сословию, в этом описании отсутствуют какие-либо «информативные» указания, индивидуальных особенностей нет. Обращает на себя внимание лишь то, что почти все существительные употребляются с уменьшительно-ласкательными суффиксами: ряска, кузовок, дерюжка, шлычок, борода, окладик, посошок. Не задерживаясь на подробностях внешнего облика, рассказчик (в данном случае лесник Сухов) описывает свое состояние: «Возликовало сердце, будто самого родного встретил» (Шмелев 2000, с. 462).

Затем он приводит краткий разговор с путником, которого он определяет как старца:

Старец ласково возгласил, голосом приятным: – Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Мир ти, чадо.

¹ «Работу Шмелёва над текстом можно воспринять как свидетельство изменений в отношении писателя к явлению св. Сергия» [Солнцева 2014, с. 14–24].

От слов церковных, давно неслышимых, от приятного голоса, от светлого взора старца... – повеяло на Сухова покоем. Сухов плакал, когда рассказывал про встречу. В рассуждения не вдавался. Сказал только, что стало ему приятно-радостно, и – «так хорошо поговорили». Только смутился словно, когда сказал: «Такой лик, священный... как на иконе пишется, в себе сокрытый» (Шмелев 2000, с. 462–463).

Как мы видим, речевая характеристика старца тоже сугубо «безличная», он говорит церковным языком, употребляет литургические формулы благословения. И вновь, как и при описании его внешнего облика, который Сухов называет священным и в «себе сокрытым», т. е. не выраженным, не очевидным, акцент делается на восприятии собеседника, которому стало «приятно-радостно».

В дальнейшем при описании преп. Сергия повторяется та же модель: минимальные эксплицитные средства описания и фокусирование внимания на состоянии собеседника старца. Второе появление прп. Сергия, на этот раз в доме Среднева в Сергиевом Посаде, описывается сходным образом. Приведем отрывки из главы XI: «Сердце у Олечки захолонуло, будто от радости»; «небо пылало звездами, такой блеск»; «лик пришельца показался ей как бы в сиянии»; «старец одет был бедно, в сермяжной ряске, и на руке лукошко. Помолился на образа Рождества Богородицы и Спаса Нерукотворенного... и, “благословив все”, сказал: – Милость Господня вам, чада»; «Сердце в ней все играло» (Шмелев 2000, с. 491–493).

Таким образом, можно сказать, что прп. Сергей описывается через молчание: описание внешности – невыразительное, самое общее, как должен выглядеть любой монах. Говорит «по-церковному», т. е. не от себя, отсутствуют индивидуальные характеристики; действий совершает крайне мало, по сути, одно дело: берет крест, отдает крест. Он описывается через реакцию, восприятие других людей: верующих и сомневающихся – получается как бы мозаика, которая в конце рассказа сводится воедино, когда сомневающиеся обретают веру. И эта тема обретения веры – центральная в повести «Куликово поле»². Именно через веру воскресают к жизни не только отдельные герои – Среднев, рассказчик, но в ней автор видит залог воскресения России. Ср. слова из последней главы повести: «Господь посылает благовестие! Пять веков назад, с благословения преподобного Сергия, русский Великий князь разгромил Мамая, потряс татарщину, тьму... и вот, голос от Куликова поля: уповайте! – И чудо повторится, падет иго наипостыднейшее, Крест

² См. также [Захарова 2004, с. 196–203].

победит его!.. И он принимает на себя миссию, идет к нам, в вотчину преподобного, откуда вторично и воссияет свет!..» (Шмелев 2000, с. 500).

Я... не был потрясен: я был светло спокоен, светло доволен... – дивное чувство полноты. Видимо, был уже подготовлен, нес в «подсознательном» бесспорность чуда. Я тогда испытал впервые, что такое, когда ликует сердце. Несказанное чувство переполнения, небывалой и вдохновенной радости, до сладостной боли в сердце, почти физической. Знаю определенно одно только: чувство освобождения. Все томившее вдруг пропало, во мне засияла радость, я чувствовал радостную силу и светлую-светлую свободу – именно, ликование, упование: ну, ничего не страшно, все ясно, все чудесно, все предусмотрено, все – ведется... и все – так надо. И со всем этим – страстная, радостная воля к жизни – полное обновление (Шмелев 2000, с. 506).

История и вечность соединяются («времени не было»), и поэтому явление прп. Сергия в послереволюционной России понятно и естественно. Своим светом и покоем – эти слова постоянно используются применительно к нему – прп. Сергей противостоит мраку и хаосу послереволюционной жизни. Отметим, что и созданная им лавра изображена в «Куликовом поле» как ковчег спасения, островок суши, «живая сущность» (Шмелев 2000, с. 475), пользуясь выражением Шмелева, среди бушующего океана беззакония³. А Куликово поле выступает как символ возрождения России, «духовного преодоления» [Козлова 2004, с. 76]. И фигура прп. Сергия скрепляет оба эти места.

Как мы видим, два русских писателя первой половины XX в. Б. Зайцев и И. Шмелев, покинув после революции Россию, пытались в эмиграции осознать корни русского национального характера, понять причины случившегося и возможные пути его преодоления. И оба они обращаются к фигуре прп. Сергия Радонежского, благодаря которому стало возможным одолеть Мамаю и наметить перспективу выхода из кризиса путем объединения русских земель. Тишина, безмолвие и пламенная вера, внутренний огонь любви к Богу и ближнему рассматриваются писателями как основные качества, способные привести к выходу из исторического и онтологического тупика.

³ По словам Мосалевой, Шмелев создал в этой повести «вербальную икону России» [Мосалева 2012, с. 34].

Источники

- Житие и подвиги 2005 – Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Составлено иеромонахом Никонном (Рождественским), впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005. 334 с.
- Житие и чудеса 2007 – Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. Сергиев Посад, 2007. 286 с.
- Сергий Радонежский 1991 – Сергей Радонежский / Сост. В.А. Десятников. М.: Патриот, 1991. 590 с.
- Шмелев 2000 – *Шмелев И.С.* Богомолье. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. 511 с.

Литература

- Ветрова 2001 – *Ветрова М.В.* Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Культура народов Причерноморья. 2001. № 23. С. 139–147.
- Дунаев 2000 – *Дунаев М.М.* Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 6. М.: Христианская литература, 2000. 893 с.
- Евдокимова 2014 – *Евдокимова Е.А.* Личность преподобного Сергия Радонежского в прозе Бориса Зайцева // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: материалы научной конференции. СПб.; Казань, 2014. С. 187–191.
- Захарова 2004 – *Захарова В.Т.* Православная истина в художественном осмыслении И.С. Шмелева (рассказ «Куликово поле») // Художественный мир И.С. Шмелева и традиции славянских литератур: XII Крымские международные чтения: Сборник материалов международной научной конференции. 11–15 сент. 2003. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 196–204.
- Козлова 2004 – *Козлова Е.О.* Символическая природа образа Куликова поля (на материале очерка И.С. Шмелева «Куликово поле») // Художественный мир И.С. Шмелева и традиции славянских литератур: XII Крымские международные чтения: Сборник материалов международной научной конференции. 11–15 сент. 2003. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 72–77.
- Любомудров 1992 – *Любомудров А.М.* Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XIX веков / Ред. Ю.В. Стенник. Л.: Наука, 1992. С. 263–279.
- Мосалева 2012 – *Мосалева Г.В.* Проблема невыразимого и категория иконичности в рассказе И.С. Шмелева «Куликово поле» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 4. С. 33–37.

- Синельникова 2005 – Синельникова Г.П. Неожитие Б. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Культура и текст. 2005. № 9. С. 144–152.
- Солнцева 2014 – Солнцева Н.М. Святой Сергий Радонежский и литература XX века // Stephanos: мультиязычный научный журнал. 2014. № 6. С. 12–24.
- Хатидже 2017 – Хатидже Б. Традиции древнерусских житий в прозе Б.К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Современная наука. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: www.nauteh-journal.ru (дата обращения 19.01.2021).

References

- Dunaev, M.M. (2000), *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodox Christianity and Russian Literature], vol. 6, Khristianskaya literatura, Moscow, Russia.
- Evdokimova, E.A. (2014), “The personality of Saint Sergius of Radonezh in the prose of Boris Zaytsev” in *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh: materialy nauchnoi konferentsii* [Medieval Rus in time, personalities, and ideas: conference proceedings], Saint Petersburg, Kazan, Russia, pp. 187–191.
- Khatidzhe, B. (2017), “Traditions of medieval Russian saints' lives in B.K. Zaytsev's essay ‘Saint Sergius of Radonezh’”, *Sovremennaya nauka, “Gumanitarnye nauki” series*, no 4, available at: www.nauteh-journal.ru (Accessed 19 January 2021).
- Kozlova, E.O. (2003), “Symbolic nature of the image of Kulikovo Field (based on I.S. Shmelev's short story ‘Kulikovo Field’)”, in *Khudozhestvennyi mir I.S. Shmeleva i traditsii slavyanskikh literatur. XII Krymskie mezhdunarodnye chteniya: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 11–15 sent. 2003* [I.S. Shmelev's literary world and Slavic literary traditions. XII International Crimean Readings. Proceedings of the international academic conference held on September 11–15, 2003], Tavriya-Plyus, Simferopol, pp. 72–77.
- Lyubomudrov, A.M. (1992), “Boris Zaitsev's book ‘Saint Sergius of Radonezh’”, in Stennik, Yu.V. (ed.), *Literatura i istoriya. Istoricheskii protsess v tvorcheskom soznanii russkikh pisatelei XVIII–XIX vekov* [Literature and history. The historical process as seen by Russian writers of the XVIII–XIX centuries], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 263–279.
- Mosaleva, G.V. (2012), “The problem of the ineffable and the category of the iconic in I.S. Shmelev's short story ‘Kulikovo Field’”, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*, no. 4, pp. 33–37.
- Sinel'nikova, G.P. (2005), “B. Zaytsev's neo-life “Saint Sergius of Radonezh”, *Kul'tura i tekst*, no. 9, pp. 144–152.
- Solntseva, N.M. (2014), “Saint Sergius of Radonezh and 20th-century literature”, *Stephanos: mul'tiyazychnyi nauchnyi zhurnal*, no 6, pp. 12–24.
- Vetrova, M.V. (2001), “Hagiographic and historic elements in Boris Zaytsev's essay “Saint Sergius of Radonezh”, *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, no. 23, pp. 139–147.

Zakharova, V.T. (2004), "Orthodox Christian truth in I.S. Shmelev's literary adaptation (his short story 'Kulikovo Field')", in *Khudozhestvennyi mir I.S. Shmeleva i traditsii slavyanskikh literatur: XII Krymskie mezhdunarodnye chteniya: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 11–15 sent. 2003* [I.S. Shmelev's literary world and Slavic literary traditions. XII International Crimean Readings. Proceedings of the international academic conference held on September 11–15, 2003], Tavriya-Plyus, Simferopol, pp. 196–204.

Информация об авторе

Анна В. Топорова, доктор филологических наук, доцент, Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия; 12106, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anna.toporova@gmail.com

Information about the author

Anna V. Toporova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; anna.toporova@gmail.com